

родить злоупотребления и произвол, так как подобные угрозы при желании можно обнаружить в чем угодно. Кому-то может показаться, что пища ребенка недостаточно калорийна, что наносит ущерб его физическому здоровью. Под вопросом оказывается любое родительское наказание за провинность, так как оно может быть также истолковано в качестве нанесения физического или психического вреда. В контексте современных либеральных тенденций, при желании, опасность для психического здоровья ребенка можно усмотреть и в подавлении его свободной воли. Но любое воспитание неизбежно сопряжено с насилием над свободной волей ребенка, по крайней мере, до тех пор, пока он не сформировался как личность, то есть не выработал качеств самостоятельности и ответственности.

Законопроект предоставляет право сторонним гражданам (родственникам, соседям) сообщать органам опеки или органам внутренних дел об угрозе жизни или здоровью детей. Несомненно, авторы законопроекта исходили из того, что податели жалобы будут руководствоваться исключительно благой целью — защитой ребенка от посягательств на его жизнь и здоровье, проявят активную гражданскую позицию. Но нельзя исключать и негативные мотивы — личная неприязнь, желание свести счеты с родителями ребенка. Заявление, согласно законопроекту, предполагается рассматривать на закрытых судебных заседаниях, то есть общество, общественные организации будут лишены возможности повлиять на участь детей, встать на сторону семьи.

Таким образом, законопроект, вопреки декларируемой защите жизни и здоровья ребенка, на деле может создать дополнительную угрозу институту семьи, законодательно закрепляя произвол силовых структур и органов опеки.

В целом же и вновь введенная конституционная норма (п. 4 ст. 67.1), и разработанный в ее развитие анализируемый законопроект преследуют цель закрепления и государственного обеспечения приоритетного статуса детей. Но сама идея расставления социальных приоритетов чревата перекосами: приоритетность одних (в данном случае — детей) неизбежно влечет ущемление других, менее приоритетных (взрослых — родителей, педагогов). Дети — гибкие, бессознательно приспособляющиеся — быстро проникаются идеей собственной приоритетности. Как следствие, возникает уродливое социальное явление, обозначенное русским богословом С. Булгаковым как «педократия» — уверенность детей в том, что им позволено все, а взрослым — ничего. Уже для современной школы данная проблема остро актуальна: педагоги утрачивают какие-либо рычаги воздействия на учеников, а те, движимые чувством безнаказанности, становятся неуправляемы. Одна из последних тенденции средней школы: учителям под страхом наказания запрещено оценивать работу учащихся младших классов. Причем запрещены не только порицающие оценки (якобы наносящие урон психике ребенка), но и поощряющие (якобы, наносящие урон психике соседа по парте — трутня). То, что подобная порочная стратегия приводит к абсолютной демотивации школьников, видимо, не очень беспокоит.

Сегодня много говорят о кризисе российской семьи. Ранжирование государством общества по социальным приоритетам, дальнейшее «совершенствование» механизмов изъятия детей вряд ли будут способствовать ее укреплению.

Денисова Любовь Владиленовна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России

Свобода совести как основание социальной политики

Свобода совести — право, утвержденное в эпоху Нового времени, времен буржуазных революций, одно из первых и фундаментальных прав человека. Свобода совести (*la liberte de conscience*) является одной из важнейших ценностей эпохи модернити и трактуется как свобода убеждений (не только религиозных), как право иметь убеждения и отказываться от них в силу определенных обстоятельств или духовных поисков. Религиозные убеждения — это тоже убеждения, а потому право иметь определенные верования или быть убежденным безрелигиозным человеком также относится к сфере свободы совести. В западноевропейской ментальности свобода совести стала фундаментальным основанием демократизма и либерализма. Это ее значение проявилось в контексте борьбы с монархизмом и абсолютизмом, использующими господствующие религиозные институты в качестве инструмента управления подданными.

В истории России XX век начинался с жарких дискуссий по вопросам свободы совести. Они проводились как на страницах периодической печати¹, так и в государственных органах². Правительство П.А. Столыпина уже в 1906 года подготовило семь проектов вероисповедных законов, к рассмотрению которых удалось приступить только на заседаниях Третьей Государственной думы (1907—1912 гг.). Одновременно в Министерстве внутренних дел была подготовлена справка, которая использовалась как сопроводительный материал к обсуждению. В этом документе указывалось общее и различное в содержании понятий «свобода совести» и «свобода исповедания», последнее понималось как естественное следствие первого. В период до окончания деятельности Четвертой Государственной думы (1917 г.) продолжались обсуждения различных вопросов вероисповедной политики, однако большинство из принятых в результате голосования проектов не было рассмотрено в Государственном совете, а потому и не получило юридической силы. В то же время сам опыт разгоревшихся дискуссий говорил о многом: попытки демократизировать государственный строй начинались с вопросов свободы совести. Поэтому недолго управлявшее Россией Временное правительство декларировало свою позицию как стремление к отделению церкви от государства и уравнивание в правах религиозных организаций, действующих в России.

Пришедшие к власти в октябре 1917 года большевики среди первых декретов, получивших законодательную силу, издали Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах, который в последующем стал известен более как Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви (1918). Смысл свободы совести стал соотноситься именно с отношением к религии и сводился к тому, чтобы вывести религию из сферы политического и закрепить в сфере частной жизни (религия — частное дело человека как гражданина). Об этом В.И. Ленин писал еще в 1905—1907 годах, требуя объявить религию частным делом по отношению к государству. Таким образом, в Советском государстве декларировалась «приватизационная модель» отношения к религии, предполагавшая понимание религиозности как личного и самостоятельного выбора. Поэтому государство принимало на себя функцию охраны подрастающего поколения от влияния «религиозного дурмана». Право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой было закреплено конституционно, однако принадлежность к религиозной организации в условиях идеологического монизма становилась препятствием в реализации других прав, связанных с государственной службой. Так, в Советском Союзе верующие испытывали значительные трудности в получении образования, поскольку в средней школе они должны были стать членами молодежных организаций (вступить в октябрята, пионеры и Комсомол), а религиозные убеждения их родителей не допускали этого. По сути, дети подвергались крайним формам дискриминации либо в школе, либо в семье, в зависимости от того, какой выбор осуществлял ребенок. В действительности такая установка в социальной политике приводила в одних случаях к внутренним конфликтам в семьях верующих, в других — выводила целые семейные группы за рамки государственного покровительства.

Конец XX столетия ознаменовался в России сменой политических ориентиров и изменением государственных институтов. В то же время принцип светскости государства не подвергается сомнению. Во всех принимавшихся в перестроечный и постперестроечный периоды законах: Закон о свободе совести (СССР, 1989), Закон о свободе вероисповедания (РСФСР, 1990), Федеральный закон от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» свобода совести рассматривалась как принцип, определяющий светский характер государства и уравнивающий верующих в их правах. Развитие социального государства, стремящегося к сохранению культурной идентичности и национального многообразия в современной России, приводит к необходимости сочетать равенство граждан, обладающих разными национально-культурными характеристиками, и наделение их определенными привилегиями в связи с необходимостью сохранения национальной и культурной (а в ней и религиозной) идентичности. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации говорится, что «основой общероссийской идентичности народов Российской Федерации является исторически сложившаяся система единых духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, а также самобытные культуры многонационального народа Российской Федерации как неотъемлемая часть российской культуры»³. Анализ этого вектора развития социальной политики выявляет ряд специфических трудностей в

1 Процессы трансформации религий / под ред. М.М. Шахнович. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2014. С. 125—127.

2 Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние). М., 1996.

3 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.10.2020).

реализации принципа свободы совести. Так, С.Н. Астапов отмечает «противоречие между правовым и этнокультурным измерениями места религиозных объединений в обществе. С правовой точки зрения все религии равны, тогда как с культурно-исторической — признается особая (консолидирующая) роль отдельных религий в формировании народа, нации, государства и, как следствие, их социальный приоритет. Поэтому государственная политика ориентирована на взаимодействие с отдельными религиозными организациями в плане духовно-нравственного и патриотического воспитания граждан. В России первое место среди таких организаций занимает Русская православная церковь Московского патриархата»¹.

Последовательное проведение принципа отделения религии от сферы государственной жизни сталкивается с многочисленными проблемами. Возникает вопрос, а что же происходит с трактовками свободы совести в этой новой по содержанию реальности? Сохраняет ли свои смыслы этот принцип, на который опирался весь опыт социальной политики эпохи секуляризма?

Социальная политика государства — многоаспектное явление. Здесь, наряду с обеспечением прав на труд, отдых, образование и других, важное значение приобретает вопрос безопасного существования. Проблемы безопасности тесно связаны с правоохранительными функциями государства. Соответственно, правоохранительные органы получают задачу поиска источников угроз и конфронтаций, в том числе и в сфере религиозной жизни. Так, одной из опасностей становится осуществление экстремистской деятельности, для которой, однако, не обнаруживается универсальных критериев и маркеров. Это вызывает трудности в реализации законодательства.

В 2019 году ОБСЕ был подготовлен новый документ «Свобода религий или убеждений и безопасность. Руководство по вопросам политики»², анализируя который О.К. Шиманская приходит к выводу, что в этом документе «человеческое измерение безопасности переосмыслено с учетом новых вызовов и угроз. Одна из этих угроз — конфликт между личной, общественной, национальной и иными измерениями безопасности и правом человека на свободу религии или убеждений. Новый документ Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ направлен на осуществление политики толерантности в полисубъектной социально-политической и культурной реальности»³. Нет сомнений в том, что свобода совести в качестве свободы убеждений, права быть верующим или неверующим человеком сохранит свой потенциал как основа социальной политики демократического государства.

Собко Руслан Васильевич (иеромонах Лаврентий), кандидат философских наук, доцент кафедры философии и богословия Нижегородской духовной семинарии

Социальное государство: историческая и богословская ретроспектива

Наша дискуссия посвящена справедливости и социальному государству. Эти два понятия, как кажется, являются ключевыми для русской культуры. Можно даже сказать, что именно поиск справедливости и социального государства стал в какой-то степени причиной сначала Великой русской революции, а спустя время и распада Союза Советских Социалистических Республик. Социальный в переводе с латинского обозначает общественный, если же поискать это слово в религиозных текстах, то *socius* может переводиться как ближний. Такое же многозначное и многополярное слово — *communis* — общий или, если точнее, совместный. Слово настолько религиозное, что самое главное христианское таинство называется *communio*. О христианской подоплеке коммунизма размышляли как сами коммунисты, так и религиозные философы. Можно ли считать, что Союз Социалистических республик был социальным государством? Этот вопрос дискуссионный, однако, несомненно, СССР изначально был запланирован таким государством.

Более того, именно религиозный или псевдорелигиозный характер изначальной советской идеологии позволил ей привлечь на свою сторону крестьян, которые представляли собой самую боль-

1 Астапов С.Н. Религия и право в постсекулярном российском обществе // Философия права. 2016. № 5. С. 28.

2 Свобода религий или убеждений и безопасность. Руководство по вопросам политики. URL: <https://www.osce.org/ru/odihr/436577> (дата обращения: 17.10.2020).

3 Шиманская О.К. Сочетание свободы религии, убеждений и безопасности: новое прочтение ОБСЕ // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 1. С. 112.